

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

А.А. Сидоров*

АТЭС В ПОИСКАХ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

В ноябре 2009 г. двадцатую годовщину отметила самая крупная в мире региональная группировка — форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. За время своего существования АТЭС так и не стал подлинно интеграционным объединением. В свое третье десятилетие он входит с серьезными неразрешенными противоречиями и неясными перспективами дальнейшего развития. В статье обозначаются ключевые вехи эволюции АТЭС, рассматриваются изменения в подходах участников форума к проблеме объединения под влиянием трансформаций политико-экономической конъюнктуры в мире и в АТР. Особое внимание уделено анализу влияния мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и оценке перспектив изменения парадигмы развития АТЭС в связи с ускорением процесса формирования системы глобального управления.

Ключевые слова: АТЭС, АТР, интеграция, глобализация, “открытый регионализм”, принцип “совместных односторонних действий”, мировой финансовый кризис.

November 2009 was marked by the 20th anniversary of Asian-Pacific Economic Cooperation — the largest regional economic grouping in the world. Having demonstrated its inability to become a true trade block, APEC enters the third decade with many unresolved problems and rather vague future prospects. The article defines the key milestones in APEC history, draws attention to the main shifts in the members' approach towards integration in the context of changing international and regional political-economic environment. It focuses specifically on evaluating the influence of the 2008-2009 global financial crisis and the prospects for change in APEC development paradigm in response to the accelerated development of the global governance system.

Key words: APEC, APR, integration, globalization, “open regionalism”, principle of “concerted unilateral actions”, global financial crisis.

* Сидоров Андрей Анатольевич, к.и.н., доцент, заместитель декана, заведующий кафедрой истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: aasidorov@yandex.ru).

Важной чертой современных международных отношений является возрастание роли экономических факторов в мировой политике. Глубокое влияние на эволюцию мирополитической системы в последние два десятилетия оказывал резко ускорившийся после окончания “холодной войны” процесс интернационализации хозяйственных связей, протекавший в двух основных формах — глобализации и региональной интеграции. Между ними существует диалектическая связь, давно подмеченная российскими и зарубежными исследователями. С одной стороны, региональная интеграция ведет к сближению национальных хозяйственных комплексов вплоть до полного их слияния в единый экономический механизм, создавая тем самым “кирпичи” для здания глобальной экономики. С другой стороны, устанавливая преференциальный режим для своих членов, интеграционные группировки зачастую игнорируют интересы не входящих в них стран, способствуют обособлению региональных рынков, фрагментируют мировое экономическое пространство. В то же время сама глобализация, требующая от государств пересмотра своих хозяйственных функций, вынуждает их спланиваться, чтобы совместными усилиями укрепить свои позиции в стремительно меняющемся мире. Она фактически является мультипликатором возникновения новых объединений в разных частях света, диверсификации их деятельности, выработки новых организационных форм.

Следствием развертывания глобализационных процессов стало формирование, наряду с уже привычными интеграционными группировками близких по уровню развития стран, крупных многосторонних региональных блоков, в состав которых входят несопоставимые по своему весу в мировой хозяйственной и политической системе государства. Первым таким “мегаблоком” стал форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества — АТЭС (Asia-Pacific Economic Cooperation — АРЕС), отметивший в ноябре 2009 г. свой двадцатилетний юбилей. В настоящее время он объединяет экономики 19 стран¹ и 2 территорий — Тайваня и Гонконга (с 1 июля 1997 г. в составе КНР), расположенных на трех континентах — в Евразии, Северной и Южной Америке. В него целиком входят две интеграционные группировки — Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА). В 2008 г. на территории его участников проживало 40,5% населения планеты. Совокупный ВВП его членов составлял

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Канада, КНР, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа — Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Чили, Южная Корея, Япония.

54,2% общемирового. АТЭС обеспечивал 43,7% общего объема мировой торговли [9].

Уникальность АТЭС отнюдь не исчерпывается его межконтинентальным характером и гигантскими размерами. Сложившись на рубеже 1980-х — 1990-х гг. при активном участии Соединенных Штатов, которым для закрепления своих лидирующих позиций в постбиполярном мире необходимо было сделать назревавшую тогда в Восточной Азии интеграцию “открытой”, форум стал моделью объединения, ведущей через регионализм к глобализации. Такой подход предопределил многие характерные черты АТЭС, рассмотрение которых важно для сбалансированной оценки формирующейся сейчас системы глобального управления. Для того чтобы “вписаться” в нее, АТЭС в настоящее время должен менять прежнюю парадигму развития.

* * *

Почти непреложной истиной является то, что особенности любого регионального экономического блока, в первую очередь обуславливаются тем пространством, которое оно интегрирует. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) не является исключением, но здесь крайне сложно выявить общие центростремительные подходы. Своим появлением АТР, как и возникший после Второй мировой войны Североатлантический регион, обязан “холодной войне”. Оба они формировались по инициативе и под эгидой США. В самом их названии отражен свойственный англо-саксонской школе геополитики “океанический” принцип организации пространства. Северная Атлантика объединяла Америку с Европой, а Тихий океан — с Восточной Азией. Однако АТР формировался гораздо медленнее и по иной модели, нежели Североатлантический регион, что обуславливалось историческими и цивилизационными различиями двух частей Старого Света — Европы и Азии. АТР образует многочисленная, разнородная по культуре, языку, этническому составу, конфессиональной ориентации и национальным традициям группа государств, разительно отличающихся друг от друга по размеру территории и численности населения, уровню экономического и социального развития, общественному и политическому устройству. Неудивительно, что интеграционная мотивация возникла в АТР гораздо позднее, чем в других частях мира.

Первая зона свободной торговли появилась в регионе лишь в 1965 г., и вошли в нее страны, которые с полным основанием можно считать “сестрами” — Австралия и Новая Зеландия. В середине 1960-х гг. под влиянием успехов европейской интег-

рации профессор университета Хитоцубаси К. Кодзимо и представитель Японии в Экономической комиссии ООН по Азии и Дальнему Востоку Х. Куромото выдвинули предложение создать “тихоокеанскую зону свободной торговли”, включив в нее все промышленно развитые государства АТР — США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Японию [4, с. 70–86]. Тогда идея не нашла поддержки, но в 1967 г. представители деловых кругов пяти указанных стран учредили Экономический совет Тихоокеанского бассейна, членами которого стали более 400 крупных компаний. В том же году в Бангкоке на конференции министров иностранных дел Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин была принята Декларация об образовании АСЕАН. В 1980 г. в целях реализации идеи “тихоокеанского сообщества” был учрежден Совет по тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (СТЭС). Однако дальше дело не пошло из-за опасений малых стран, что тон в “сообществе” станут задавать крупные державы, а их голоса не будут услышаны.

Только к концу 1980-х гг. количественные и качественные сдвиги в развитии экономик восточноазиатских государств, наряду с расширением и углублением торгово-инвестиционных связей между ними, создали основу для перехода к более высоким формам взаимодействия. Дополнительным стимулом послужило образование новых торговых блоков в других регионах, а также проблемы, которые испытывала во второй половине десятилетия основанная на Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ) система международной торговли. Затяжка Уругвайского раунда вынуждала экспортноориентированные экономики Восточной Азии объединять усилия в целях сохранения ГАТТ и обеспечения своих интересов на мировых рынках. Проще говоря, интеграция нужна была им не для того, чтобы отгородиться от остального мира, а для того, чтобы сделать его более открытым.

В таких условиях на проходившей в Канберре 6–7 ноября 1989 г. конференции министров экономики и иностранных дел Австралии, Новой Зеландии, Японии, Южной Кореи, Канады, США и стран — членов АСЕАН появился на свет форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. По своему характеру, задачам, концепции и составу участников он резко отличался от интеграционных группировок в других регионах мира. Поскольку асимметрия экономических показателей была заложена изначально, форуму пришлось вырабатывать особые параметры взаимодействия, которые учитывали бы интересы всех его членов независимо от уровня развития экономики, размера территории, численности населения и т.д. В отличие от интеграционных проектов в Европе с их четкой

регламентацией и институционализацией, участники АТЭС сознательно отказались от заключения формального соглашения. Сам форум рассматривался не как организация, а как “площадка” для проведения переговоров, консультаций и принятия совместных решений, выполнение которых зависело от желания и возможностей каждого отдельного члена.

Симптоматично само название объединения, по поводу которого один из горячих сторонников его создания, министр иностранных дел Австралии Г. Эванс, как-то пошутил, что оно объединяет “три прилагательных в поисках одного существительного”. Вместо часто употреблявшегося в 1960-е — 1980-е гг. словосочетания “тихоокеанское сообщество” в названии форума по настоянию АСЕАН появился менее обязывающий термин “сотрудничество”. Все последующие попытки переименовать АТЭС, сохранив акроним, в “Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество”, были отклонены ввиду того, что, по мнению асеановцев, это предполагало более глубокую интеграцию по типу ЕЭС. Не менее важную смысловую нагрузку несло слово “экономическое”, которое четко ограничивало компетенцию АТЭС вопросами, связанными в основном с торговлей и инвестициями. Все, что касалось политики, могло обсуждаться только в двустороннем формате. Примат экономики сказался даже на членстве в АТЭС. Формально его участниками являются не страны, а экономики. Такой подход позволил в 1991 г. принять в его состав Китай, Тайвань и Гонконг, обойдя вопрос о политическом суверенитете двух последних.

Если в качестве базового критерия периодизации принять роль, которую АТЭС играл в интеграционных процессах в АТР, то в его двадцатилетней истории можно выделить два крупных этапа, разделенных азиатским финансовым кризисом 1997—1998 гг. На первом этапе развитие форума отличалось динамизмом, позволившим ему занять лидирующие позиции в АТР. Вплоть до 1993 г. высшим управляющим органом АТЭС были ежегодные конференции министров торговли и иностранных дел, носившие в целом рутинный характер. Тем не менее, именно на них вырабатывались принципы и формировался “стиль” нового объединения. Несмотря на разнообразие и различную степень “включенности” членов АТЭС в мировое хозяйство, все они так или иначе поддерживали многостороннюю систему торговли и стремились не только к устранению торговых барьеров между собой, но и к их прогрессивному снижению другими странами. Поэтому главная задача форума виделась в том, чтобы содействовать переговорам в рамках Уругвайского раунда ГАТТ.

Основополагающим принципом АТЭС стала официально одобренная на третьей министерской конференции в Сеуле в но-

ябре 1991 г. концепция “открытого регионализма”, согласно которой меры по либерализации региональных экономических связей не должны приводить к дискриминации товаров государств, не входящих в объединение. Своими корнями она уходила в дискуссии о путях и формах экономического сотрудничества в АТР, развернувшиеся в конце 1970-х гг. На межгосударственный уровень ее обсуждение вышло на “неформальной” конференции в Канберре осенью 1980 г., завершившейся учреждением СТЭС. Именно там было достигнуто согласие в том, что, во-первых, “дискриминационные торговые соглашения по типу ЕЭС не подходят для Тихоокеанского региона”; во-вторых, “существующие двусторонние, региональные и глобальные механизмы сотрудничества не будут подорваны какими-либо новыми региональными договоренностями”; и, в-третьих, необходимо “обеспечить соглашение, ориентированное на внешний мир” [16, р. 84–85].

В практике АТЭС “открытый регионализм” означал создание торговых режимов, соответствующих правилам ГАТТ, а сама либерализация должна была приносить выгоды его членам без ущемления интересов третьих стран. В более поздних документах форума отмечалось, что концепция “открытого регионализма” выходит за рамки традиционного понимания зоны свободной торговли, которая предполагает устранение таможенных преград только для ее участников, тогда как “следствием либерализации торговли и инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе будет реальное сокращение барьеров не только между экономиками АТЭС, но и между ними и экономиками, не входящими в АТЭС” [15, р. 5]. По словам японского журналиста Й. Фунабаси, “данное обязательство делает АТЭС гораздо более открытым, чем любой другой орган по либерализации, включая ГАТТ, которое обеспечивает режим наибольшего благоприятствования лишь для своих стран-членов” [11, р. 8]. Дополнительную привлекательность АТЭС должно было придать соблюдение принципа “ВТО плюс”, который подразумевал решение участниками форума болезненных для них вопросов международной торговли в режиме, опережающем их рассмотрение в рамках ВТО.

Вторым стержневым элементом “стиля” АТЭС стал принцип “совместных односторонних действий”, предполагавший свободный выбор каждым участником приоритетных направлений сотрудничества и самостоятельное определение “глубины” и “скорости” включения в процессы либерализации. Если объединения в других регионах договорами определяли графики снижения таможенных тарифов и устранения других барьеров на пути торговли и инвестиций, то АТЭС в основном полагался на готовность своих членов проводить аналогичные меры в одностороннем порядке без заключения формальных

соглашений. Иными словами, каждая экономика — член АТЭС проводила снижение тарифных и нетарифных барьеров самостоятельно, не требуя, а только рассчитывая на взаимность со стороны партнеров. Процесс “совместных односторонних действий” был альтернативой переговорам, посредством которых в основном и достигалось освобождение торговли и инвестиций в других региональных блоках. В целом такой подход не отрицал ведения многосторонних торговых переговоров, установления конкретных ориентиров и сроков либерализации, но учитывал, что в ходе ее осуществления связи между участниками могут усиливаться или ослабляться в зависимости от ситуации.

Важной вехой в развитии АТЭС стала состоявшаяся по инициативе президента США У. Клинтона первая встреча “экономических лидеров” — глав государств и правительств стран-членов форума, — прошедшая в ноябре 1993 г. около Сиэтла. На ней обсуждались вопросы, связанные с выдвинутой У. Клинтонем во время его азиатского турне летом того же года концепцией “нового тихоокеанского сообщества”. После окончания “холодной войны”, говорилось в принятом на саммите “Заявлении об экономическом видении”, у АТЭС появилась “возможность заложить новые экономические основы в Азиатско-Тихоокеанском регионе” [15, р. 1]. Первая встреча лидеров АТЭС имела серьезные последствия не только на региональном, но и на глобальном уровне. Как позднее заметил один из европейских представителей на переговорах в рамках ГАТТ, саммит АТЭС способствовал успешному завершению Уругвайского раунда, “так как оказалось, что у вас была альтернатива, а у нас — нет”. Одна лишь мысль о том, что либерализация торгового и инвестиционного режима в АТР могла бы осуществляться на преференциальной основе, производила удручающе впечатление на европейцев, вынуждая их идти на компромиссы [11, р. 125]. Самым крупным успехом АТЭС в данной области было принятие в 1997 г. членами ВТО Соглашения по информационным технологиям.

Первая встреча в верхах придала новый импульс развитию АТЭС. Состоявшийся в ноябре 1994 г. в Богоре (Индонезия) второй саммит в качестве стратегической цели объединения провозгласил “достижение свободной и открытой торговли и инвестиций в регионе”. В соответствии с этим более развитые в экономическом отношении члены должны были “открыть” свои рынки к 2010 г., а менее развитые — к 2020 г., причем каждая страна самостоятельно определяла свой статус. Через год в Осаке (Япония) была одобрена программа действий, конкретизировавшая пути достижения Богорских целей. Она предусматривала действия по двум направлениям — “либерализация и содействие торговле и инвестициям” и “экономическое и тех-

ническое сотрудничество” (ЭКОТЕК) [18, р. 1–2], и стала, по сути, компромиссом между азиатскими и неазиатскими участниками АТЭС. Если США, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Чили, которых поддерживали Сингапур и Таиланд, выступали за ускоренную либерализацию, то “азиатская группа”, состоявшая из Китая, Японии, Южной Кореи и Малайзии, отстаивала “медленное продвижение” к “открытости”. Помимо прочего, программа должна была учитывать интересы как развитых, так и развивающихся стран, входивших в АТЭС. Цель включенной в нее при активной поддержке “азиатской группы” ЭКОТЕК состояла в том, чтобы путем оказания развитыми государствами экономического и технического содействия развивающимся странам смягчить диспропорции в экономическом развитии участников объединения.

Начало процесса либерализации было намечено на 1 января 1997 г., а до того каждому члену АТЭС в соответствии с принципом “совместных односторонних действий” предлагалось разработать индивидуальный план действий (ИПД). Такие планы носили добровольный характер, т.е. каждый участник форума сам определял для себя темпы и порядок либерализации с учетом состояния своей экономики. Предусматривалась и разработка коллективных планов действий (КПД), содержащих аналогичные групповые меры. В ноябре 1996 г. на Филиппинах был принят Манильский план действий, представлявший собой компиляцию ИПД членов АТЭС. В Маниле вниманию лидеров была также предложена концепция “ранней добровольной секторальной либерализации” (РДСЛ), призванная дополнить Осацкую программу. Программа РДСЛ нашла поддержку на встрече лидеров в Ванкувере в ноябре 1997 г.

Ванкуверский саммит оказался примечателен еще и тем, что на нем определился нынешний состав АТЭС. В период 1993–1997 гг. его ряды пополнились шестью новыми экономиками. В 1993 г. в АТЭС вошли Папуа — Новая Гвинея и Мексика, которая стала первым латиноамериканским членом форума. В 1994 г. за ней последовала Чили. В Ванкувере было принято решение о присоединении к АТЭС России, Вьетнама и Перу, формально оформивших свое членство в ноябре 1998 г. К тому времени в основном сложилась организационная структура АТЭС, главными отличительными чертами которой стали децентрализация, отсутствие каких-либо жестких регламентов, специфическое членство (экономики) и трехстороннее представительство каждого участника — от государственных институтов, академического сообщества и бизнеса, интересы которого выражал образованный в 1995 г. Деловой консультативный совет (ДКС).

Тяжелый удар АТЭС нанес азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., положивший начало новому этапу его развития. Кризис обрушил финансовые системы Таиланда, Малайзии, Индонезии, Филиппин, Южной Кореи и в той или иной степени затронул экономики других стран АТР. Главная роль в “тушении пожара” отводилась Международному валютному фонду (МВФ), который выдавал больным “азиатским тиграм” займы с целью сокращения дефицита платежного баланса, требуя в ответ проведения реформ в духе неолиберальных традиций. АТЭС как объединение фактически ничего не сделал, чтобы помочь оказавшимся в тяжелом положении своим членам. В то же время кризис обострил разногласия между азиатскими и неазиатскими участниками форума. Администрация У. Клинтона настойчиво пыталась вынудить восточноазиатские государства продолжить либерализацию торговых режимов, выдвинув даже идею создания зоны свободной торговли (ЗСТ) пяти стран с “близкими взглядами” (США, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур и Чили). В таких условиях АТЭС быстро терял стратегическую инициативу. Неслучайно уже во время кризиса в Восточной Азии начался активный поиск новых путей и форм объединения, продолжившийся и в послекризисный период.

Центром притяжения стала АСЕАН, число членов которой к началу XXI в. выросло до десяти. В августе 1997 г. Япония выдвинула предложение о создании Азиатского валютного фонда (АВФ), против которого резко выступили США. Впоследствии страны АСЕАН вместе с Китаем, Японией и Южной Кореей разработали систему двусторонних свопов, ставшую основой Чингмайской инициативы, которая мыслилась как первая ступень на пути валютной интеграции в регионе [1]. В конце 1997 г. появился такой своеобразный формат, как “АСЕАН плюс три” с участием Китая, Южной Кореи и Японии (АПТ), а также “АСЕАН плюс один”, т.е. с каждым из указанных государств в отдельности. В ноябре 2002 г. было подписано Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между АСЕАН и КНР, одной из целей которого было формирование в течение десяти лет зоны свободной торговли. Инициатива АПТ была созвучна выдвинутой еще в 1990 г. премьер-министром Малайзии М. Мохамадом идее образования Восточно-Азиатской экономической группировки (ВАЭГ) — чисто азиатской торговой коалиции без участия США и других “белых” держав.

Стремление ключевых азиатских членов форума отдать приоритет интеграции в рамках Восточной Азии, а не АТР, привело к тому, то АТЭС стал оттесняться на периферию объединительных процессов в регионе. Немаловажным фактором в ослаблении его позиций стала политика новой американской

администрации во главе с Дж. Бушем-младшим, пришедшей к власти в январе 2001 г. В отличие от своей предшественницы, она делала упор не на экономические, а на политические аспекты сотрудничества. Ключевую роль в “политизации” АТЭС сыграли террористические акты 11 сентября 2001 г. в США, после которых даже самым горячим сторонникам чисто экономической ориентации форума пришлось признать правомерность обсуждения политических вопросов. Беспрецедентным в практике АТЭС стало принятие на саммите в Шанхае в октябре 2001 г. специального Заявления по борьбе с терроризмом [7]. Хотя некоторые острые проблемы, например ситуация в Восточном Тиморе или ядерная программа КНДР, поднимались на встречах АТЭС и раньше, но никогда прежде не принимались официальные политические декларации. То, что участникам шанхайского саммита удалось выработать единый подход в оценке международного терроризма, стало знаменательным событием в истории форума.

С 2001 г. повестка дня АТЭС стала включать два тематических блока — экономический и политический. Первый доминировал, поскольку был связан с изначально провозглашенными целями форума (упрощение торговых процедур, либерализация инвестиционного режима, экономическое и техническое сотрудничество). Как и в 1990-е гг., во всех программных документах АТЭС неизменно подчеркивалась приверженность его членов к системе открытой многосторонней торговли и выражалась поддержка ВТО, переговоры в рамках которой то и дело заходили в тупик. Второй блок охватывал меры по противодействию террористической угрозе, совместные усилия по предупреждению и снижению разрушительного эффекта стихийных бедствий, шаги по защите экологии, действия по недопущению распространения опасных заболеваний, таких как СПИД и поразивший некоторые азиатские страны птичий грипп. Характерно, что многие конкретные меры по обеспечению безопасности так или иначе касались торговой сферы (защита судов и портовых сооружений, охрана контейнерных перевозок, расширение сотрудничества между таможенными службами и т.д.).

Изменения, происходившие в мире и в регионе на рубеже веков, ставили перед участниками АТЭС новые задачи, нашедшие отражение в его документах. Почти на всех ежегодных саммитах, министерских конференциях, сессиях ДКС и других мероприятиях наряду с традиционными вопросами либерализации торговли и инвестиций поднимались проблемы глобализации, социальной защиты населения от ее негативных последствий, наращивания “человеческого капитала” и адаптации рабочей силы к условиям “новой экономики”, устранения гендерного

неравенства и вовлечения в активную общественную жизнь молодежи и т.д. В прошлом такие вопросы, если и возникали, то оставались преимущественно на втором плане. Для повышения авторитета АТЭС его участникам рекомендовалось шире привлекать к сотрудничеству общественность своих стран, налаживать диалог с региональными предпринимательскими, женскими и молодежными организациями, а также с государствами, не являвшимися членами форума.

Принципиальное значение для АТЭС имел саммит в южнокорейском городе Пусане в ноябре 2005 г., проходивший под примечательным девизом “К единому сообществу — через испытания и обновление”. Главная задача встречи состояла в том, чтобы оценить перспективы “открытия” в 2010 г. своих рынков экономически развитыми членами. На ней была принята “дорожная карта” продвижения к Богорским целям. Она предусматривала поддержку многосторонней торговой системы, усиление индивидуальных и коллективных действий, стратегический подход к задаче наращивания потенциалов, применение “первопроходческих инициатив”, содействие заключению высококачественных торговых соглашений и т.д. Помимо стремления вывести АТЭС из застоя и придать новый импульс его развитию, одной из главных причин разработки “карты” было желание ряда участников форума сдвинуть с мертвой точки переговоры в ВТО. Но на сей раз попытка применить успешно использовавшийся в 1990-е гг. принцип “ВТО плюс” ни к чему не привела.

Спустя год на новом саммите в Ханое были утверждены рекомендации по основным направлениям деятельности форума, которые нашли отражение в документе с замысловатым названием: «Ханойский план действий по реализации Пусанской “дорожной карты” продвижения к Богорским целям». Представленный тогда лидерам обзор свидетельствовал о немалых достижениях АТЭС. Благодаря его усилиям экономическое взаимодействие стран АТР поднялось на новую ступень. Средний уровень тарифов в зоне АТЭС снизился с 16,9% в 1989 г. до 5,5% в 2004 г. Почти 70% внешнеторгового оборота членов блока приходилось на торговлю друг с другом. Важным средством углубления взаимозависимости служили прямые иностранные инвестиции, которые в регионе росли темпами, втрое превышавшими мировые. Однако успехи АТЭС в деле либерализации торгового и инвестиционного режимов не могли компенсировать его недостатки, главным из которых было отсутствие каких-либо юридически оформленных обязательств его участников. В результате форум так и не смог превратиться в полноценное интеграционное объединение, способное консолидировать АТР.

Наиболее ярким свидетельством снижения роли АТЭС стал быстрый рост числа региональных торговых соглашений и соглашений о свободной торговле (РТС/ССТ), заключенных между его членами. Всего за три года, с 2004 по 2007 г., было подписано 29 двусторонних соглашений [14, р. 4]. В них принимали участие даже государства, относившиеся всегда прохладно к региональным интеграционным инициативам, предпочитая им либерализацию в рамках ВТО (как, например, Япония). Ядро системы РТС/ССТ в Восточной Азии составили страны АСЕАН. Вокруг Ассоциации выстраивались разные форматы взаимодействия, которые на рисунке сплетались в плотный клубок, по виду напоминающий спагетти. Поэтому возникшую в Восточной Азии систему связей, состоящую из множества крупных и относительно небольших по охвату соглашений, образно называют регионализмом “миски лапши” (spaghetti bowl regionalism). Стремясь не остаться в стороне, США и другие неазиатские члены АТЭС тоже начали заключать двусторонние ССТ с партнерами в АТР. В 2004–2007 гг. США в качестве участника НАФТА подписали соглашения о свободной торговле с Австралией, Сингапуром, Чили, Перу и Южной Кореей (с последней — в 2007 г., однако оно до сих пор не ратифицировано Конгрессом).

Широкое распространение РТС/ССТ создавало угрозу перераспределения торговых и инвестиционных потоков в пользу их участников в ущерб остальным странам. Однако в условиях пробуксовки Дохийского раунда переговоров в рамках ВТО такие соглашения рассматривались в АТЭС как средство продолжения либерализации региональной и глобальной торговли. Кроме того, поскольку большинство их заключалось членами АТЭС, он просто не мог не одобрить их, хотя образование субрегиональных блоков снижало заинтересованность их участников в деятельности форума. Вопрос о том, как относиться к РТС/ССТ, поднимался еще на саммите в Шанхае, но разработка политики в данной области началась лишь в 2004 г. Через год в Пусане лидерам были представлены “Типовые критерии по упрощению условий торговли в рамках РТС/ССТ”. Получив одобрение “свыше”, они были доработаны и в 2008 г. введены в качестве рекомендаций для членов АТЭС, имеющих намерение вступать в двусторонние или субрегиональные торговые соглашения.

Особую озабоченность неазиатских участников АТЭС вызвало принятое в конце 2004 г. на встрече в верхах в формате “АСЕАН плюс три” решение о проведении в 2005 г. в Малайзии первого Восточноазиатского саммита с целью обсуждения перспектив формирования в будущем “сообщества” государств Восточной Азии. По существу, такой блок, в который не были

бы допущены ни США, ни другие страны “по ту сторону Тихого океана”, стал бы антитезой АТЭС. Такой расклад устраивал Китай, но вызывал несогласие Японии и Индонезии. Их заинтересованность в создании противовеса доминированию КНР привела в конечном счете к приглашению на саммит Индии, Австралии и Новой Зеландии. Прошедшая 14 декабря 2005 г. в Куала-Лумпуре встреча глав 16 стран (“десятка” АСЕАН, Китай, Южная Корея, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Индия) положила начало складыванию еще одного механизма объединения в регионе. Россия, которую в качестве специального гостя на саммите представлял президент В.В. Путин, получила статус наблюдателя. Против ее принятия в число полноправных членов выступили Австралия и Индонезия.

Попытка “провести границу по середине Тихого океана” вызвала возражения со стороны США, которые выдвинули контрпредложение — путем заключения формального соглашения превратить АТЭС в зону свободной торговли. По замыслу Вашингтонских стратегов, подобная договоренность заранее обрекла бы на неудачу все усилия воздвигнуть торговые барьеры между Америкой и быстро развивающимися экономиками Восточной Азии. Идея создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли впервые прозвучала в докладе Делового консультативного совета АТЭС, который был представлен лидерам на саммите в Сантьяго в конце 2004 г. Однако ни в Пусане, ни в Ханое определиться по этому вопросу так и не удалось. Помешали, как значилось в итоговой декларации ханойской встречи, “трудности практического характера” [5]. В числе противников проекта оказались Китай, Малайзия, Индонезия и некоторые другие страны АСЕАН, у которых возникли подозрения, что, настаивая на ее создании, США стремятся не столько продвигать транстихоокеанскую интеграцию, сколько поставить под контроль восточноазиатскую. Большинство участников саммита в Сиднее в сентябре 2007 г. согласилось с тем, что образование ЗСТ в масштабах АТР отодвигается на более отдаленную перспективу, а пока следует продолжать изучение возможных путей ее строительства.

Мировой финансовый кризис, начало которому положил крах в 2007 г. ипотечного рынка США [3], вынудил АТЭС внести существенные коррективы в повестку дня. До начала 2008 г. многие восточноазиатские участники форума полагали, что обрушившееся на Америку и Европу финансовое цунами не затронет их в такой же степени, как катастрофа 1997–1998 гг. Серьезную озабоченность состоянием мировой финансовой сферы проявляли в основном Китай и Япония, свыше трети огромных валютных резервов которых составляли казначейские

облигации США. Ради предотвращения роста курса своих валют им приходилось наращивать скупку американских ценных бумаг. Положение большинства азиатских членов АТЭС стало ухудшаться только в 2008 г. В начале года по ним ударил взлет мировых цен на энергоносители, затем последовала паника на международных финансовых рынках, вызванная крахом ряда крупнейших американских и европейских финансовых институтов, и, наконец, началось сокращение спроса на экспортные товары на западных рынках. Тревогу вызывало усиление во многих странах протекционистской риторики, нередко сопровождавшейся принятием конкретных мер по защите своего внутреннего рынка. Одними из проявлений данного курса были неоднократные попытки Вашингтона оказать давление на Пекин с целью добиться уменьшения китайского экспорта в Америку и ревальвации юаня.

Понимание того, что столь крупные явления общемирового значения невозможно ни предотвратить, ни преодолеть, оставаясь в узко страновых рамках, способствовало расширению международного сотрудничества. Начиная с 2008 г. практически во всех региональных группировках прошли совещания, конференции, саммиты, центральным вопросом повестки дня которых был кризис. Параллельно происходили глубокие изменения на глобальном уровне. Неспособность финансовой “семерки” разработать общую линию в борьбе с кризисом обусловила возникновение иных форматов для обсуждения и выработки совместных мер противодействия ему. 14–15 ноября 2008 г. в Вашингтоне прошел первый в истории саммит “Группы двадцати”³, на котором лидеры ведущих экономик мира договорились “совместно работать над восстановлением мирового роста и провести необходимые реформы мировой финансовой системы” [12]. Превращение “двадцатки” в главный международный форум по вопросам мировой экономики, как было отмечено в итоговой декларации ее третьего саммита в сентябре 2009 г., косвенно способствовало повышению веса и влияния АТЭС в мире. Если в “восьмерке” была лишь одна азиатская страна, то в “двадцатке” их было уже пять. В целом же участники АТЭС составляют почти половину ее членов.

Проходивший в перуанской столице буквально через неделю после вашингтонской встречи “Группы двадцати” 16-й саммит АТЭС стал, по сути, ее продолжением. Хотя повестка дня

³ “Группа двадцати” была образована в 1999 г. и долгое время оставалась министерским форумом. В нее входят Аргентина, Австралия, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Южная Корея и Япония. Отдельным членом “двадцатки” является Евросоюз.

включала привычный набор тем для обсуждения (либерализация торговли и инвестиций, поддержка ВТО, экономическое и научно-техническое сотрудничество, социальная ответственность бизнеса, терроризм и безопасность торговли, борьба с коррупцией, изменение климата и т.д.), центральное место на совещании министров, а затем на саммите занял вопрос о мерах по борьбе с кризисом и ростом протекционизма. Уже на первом заседании 22 ноября 2008 г. лидеры приняли специальное заявление, подчеркнув в нем намерение предпринять “срочные и чрезвычайные шаги по стабилизации наших финансовых секторов, укреплению экономического роста, содействию инвестированию и потреблению” с целью “восстановить доверие внутри экономик и удержать регион на пути долгосрочного роста” [13]. Конкретики, как всегда, было немного. Членам АТЭС предлагалось выработать такие меры, которые позволили бы преодолеть кризис в течение полутора лет. Лидеры солидаризировались с рекомендациями, принятыми на встрече “двадцатки”, тоже указав на задачу реформирования международных финансовых органов и поддержав ее инициативу об отказе на 12 месяцев от введения новых торговых барьеров.

Однако несмотря на декларированный отказ от протекционистских мер почти всем участникам АТЭС не хватило последовательности в исполнении данного решения. Правда, никто не мог предвидеть объема ограничивающих экспорт мер, которые принимались развитыми странами в течение 2009 г. Еще сложнее обстояло дело с ситуацией в финансовой сфере. В контексте развития мировой экономики в XXI в. наибольшую угрозу представлял не столько сам кризис, сколько вновь высветившаяся им проблема ослабления американского доллара, остающегося главной резервной валютой в международной кредитно-финансовой системе. Колебание его курса и снижение кредитных ставок в США способствовали росту спекуляций на фондовых рынках и могли привести к новому витку кризиса. Однако администрация пришедшего к власти в начале 2009 г. нового президента Б. Обамы, продолжая политику своей предшественницы, фактически ничего не сделала для укрепления доллара. Напротив, стремясь профинансировать свои обширные антикризисные программы, она прибегла к последнему из имеющихся у нее монетарных рычагов — интенсификации работы печатного станка.

Одновременно Вашингтон активно склонял другие страны, особенно Китай, продолжать скупку казначейских обязательств США, чтобы помочь выполнению антикризисного плана Б. Обамы. По словам представителей Белого дома, оживление американской экономики выгодно КНР, поскольку ведет к восстановлению спроса на ее экспортные товары. Возросшая сте-

пень взаимозависимости экономик двух стран обусловила рост интереса к выдвинутой еще в 2006 г. идее образования “большой двойки” [2]. Пекин в принципе соглашался закупать облигации Минфина США, но одновременно укреплял сотрудничество в валютной сфере с соседями. 4 мая 2009 г. Китай, Япония и Южная Корея объявили о создании АВФ, активы которого составят 120 млрд. долларов. Сохранение тенденции к укреплению восточноазиатских структур в ущерб транстихоокеанским связям было чревато серьезными последствиями для будущего АТЭС.

По мнению южнокорейских ученых Сун Хун Пак и Чон Ён Ли, в настоящее время АТЭС переживает сразу два кризиса — “идентичности” и “доверия”. Первый из них обусловлен отсутствием консенсуса между членами форума относительно его целей. Провал попыток АТЭС через РДСЛ ускорить продвижение к открытым рынкам в регионе вызвал острые разногласия между участниками и тем самым “ясно показал, что выполнение Богорских целей будет действительно тяжелой битвой” [17, р. 106]. Кризис “доверия” в значительной мере вытекает из расхождения между тем, что обещала АТЭС, и тем, чего она на самом деле достиг. Со времени образования форума его участники постоянно подчеркивали, что, применяя подход “ВТО плюс”, намерены внести весомый вклад в многостороннюю систему торговли. Однако реальным их достижением было только принятие Соглашения по информационным технологиям. Между тем члены форума, активно участвуя в различных преференциальных соглашениях, дают повод усомниться в их приверженности принципу “открытого регионализма”.

Проанализировав нынешнее положение АТЭС, Пак и Ли описывают четыре возможных сценария его будущего развития. В краткосрочной перспективе наиболее вероятным они считают сохранение статус-кво, хотя в таком случае АТЭС по-прежнему будет переживать кризис “идентичности” и “доверия”. Второй сценарий предполагает его превращение в организацию, схожую с ОЭСР, а третий — в “Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество в области безопасности”. Однако практическая реализация этих сценариев маловероятна, хотя в среднесрочной перспективе они позволили бы АТЭС сохранить свою роль в качестве одного из ключевых институтов в АТР. Наилучшим вариантом, по мнению авторов, было бы образование Транстихоокеанской зоны свободной торговли (ТЗСТ). АТЭС, конечно, пришлось бы отказаться от некоторых своих принципов, в частности, от “добровольности”, так как формирование ТЗСТ потребовало бы заключения юридически обязывающих соглашений. Но взамен перед АТЭС открылась бы масса возможностей. Ее создание послужило бы катализатором успешного завершения Дохий-

ского раунда и, кроме того, устранило бы все сомнения относительно цели АТЭС, поскольку “зона свободной торговли” является давно устоявшимся понятием. В ее рамках были бы разрешены оба кризиса [17, p. 114–118].

Аналогичного мнения придерживается и директор вашингтонского Института международной экономики Ф. Бергстен, возглавлявший “мозговой трест” АТЭС — “Группу выдающихся людей” — в период ее существования с 1993 до 1995 г. Выступая в июле 2009 г. на конференции Консорциума по изучению АТЭС в Сингапуре, он отметил, что огромное значение для форума имеет повышение статуса “двадцатки”, в которой “кокус АТЭС” мог бы играть ключевую роль. Лидером самого АТЭС, по утверждению автора, является “двойка” США–Китай. На них лежит бремя ответственности за стабильность мировой экономики, так как Евросоюз часто не способен выступать как единое целое. США и КНР необходимо, конечно, действовать дипломатично, не афишируя существование “двойки”. Ее главная цель должна состоять в том, чтобы активизировать работу других “групп” и институтов и сделать ее более эффективной. АТЭС, как считает Ф. Бергстен, сейчас стоит перед выбором одного из четырех вариантов: роспуск форума, если его восточноазиатские участники предпочтут формировать чисто азиатские коалиции; продолжение нынешнего курса, что означает фактическое признание падения роли АТЭС в регионе; включение в систему глобального экономического управления; возвращение форума на лидирующие позиции в АТР. Оптимальным способом достижения последней цели является формирование Транстихоокеанской зоны свободной торговли [10].

Вполне логично было ожидать, что ответ на сложный вопрос о будущем АТЭС даст 17-й саммит, прошедший в Сингапуре 14–15 ноября 2009 г. Его проведение совпало с 20-й годовщиной форума, а юбилеи, как правило, располагают к тому, чтобы обсудить перспективы дальнейшего развития. Однако ничего подобного в Сингапуре не произошло. Согласно принятой декларации, общая цель АТЭС “остается прежней — содействие росту и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем формирования системы свободной и открытой торговли и инвестиций, предусмотренной Богорскими целями” [6]. То, что срок выполнения первой из них сократился сейчас до одного года, никого не смутило. О том, смогут ли развитые страны “открыть” свои рынки в 2010 г., в итоговых документах прямо не сказано. Зато не утратила своей актуальности тема кризиса. В декларации отмечено, что предпринятые участниками АТЭС за истекший год антикризисные меры создали основу для оздоровления экономик АТР, но говорить об этом как о стойкой

тенденции пока рано. Лейтмотивом всех сингапурских встреч стало достижение устойчивого экономического роста.

Лидеры договорились продолжать политику стимулирования экономики до тех пор, пока процесс ее восстановления не примет стабильный характер. Больше внимания рекомендовано было уделять поддержке малых и средних предприятий, которые составляют свыше 90% предпринимательских структур и обеспечивают рабочими местами от 50 до 80% трудоспособного населения в регионе АТЭС. Им обещано содействие в улучшении доступа к глобальным рынкам, технологиям и финансированию. К 2015 г. намечено упростить условия ведения предпринимательской деятельности в АТР путем сокращения административных барьеров с целью сделать регион привлекательным для бизнеса. В частности, решено уже в 2010 г. на 5% сократить трансакционные издержки, которые в 2006–2008 гг. уже были снижены на 3,2%. Для того чтобы придать росту всеобъемлющий характер и распространить его преимущества на широкие слои населения, членами АТЭС предложено активизировать сотрудничество в решении социальных проблем, предоставить максимальные экономические возможности женщинам и молодежи, повысить качество образования и профессиональной подготовки. В том же ключе в декларации представлены разделы по экономическому и техническому сотрудничеству, безопасности, защите окружающей среды.

Большое внимание на саммите было уделено сохранению режима свободной торговли в АТР. Для большинства членов АТЭС протекционизм является самым большим вопросом. Буквально накануне министерской сессии в Сингапуре торговая комиссия США решила в дополнение к предпринятому в сентябре повышению пошлин на стальные трубы и шины из Китая увеличить тарифы на китайские фосфаты и бумагу. В ответ Пекин начал расследование в отношении импорта американских автомобилей. Сингапурская декларация еще раз подтвердила обязательство участников АТЭС “сохранять открытость рынков и воздерживаться от возведения новых барьеров для инвестиций или торговли товарами и услугами” [6]. Лидеры решили поручить министрам проводить регулярный обзор выполнения обязательств в данной сфере. Одновременно было выражено стремление к завершению Дохийского раунда ВТО в 2010 г. Лидеры заявили о том, что продолжат изучать возможности формирования Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли, и приветствовали “первопроходческую” инициативу Австралии, Канады, Южной Кореи, Новой Зеландии, Сингапура и США по самостоятельной сертификации определения страны происхождения товара.

Наряду с обычной итоговой декларацией на саммите было принято короткое заявление лидеров о ближайших планах АТЭС, выдержанное в целом в духе решений Питсбургского саммита “двадцатки”, состоявшегося в сентябре 2009 г. Констатируя, что после окончания кризиса мировой экономической ландшафт сильно изменится, члены АТЭС решили разработать “новую парадигму роста” для АТР. Придумывать что-то новое не пришлось — АТЭС, по сути, присоединился к обязательству “Группы двадцати” добиваться уверенного, устойчивого и сбалансированного роста. Правда, члены “двадцатки” договорились разработать рамочное соглашение, которое определит политику и совместные меры, направленные на достижение этой цели. Лидеры же АТЭС ограничились обещанием принять в 2010 г. “комплексную долгосрочную стратегию роста, направленную на более сбалансированное развитие наших экономик и региона в целом” [8], а также поручить министрам экономики и финансов разработать долгосрочную программу в сфере структурных реформ, развития малого и среднего бизнеса, создания рабочих мест и укрепления систем социальной защиты. Однако представлена она будет, скорее всего, только через год в Йокогаме, где пройдет очередной саммит.

* * *

Двадцать лет назад, когда был создан АТЭС, казалось, что амбициозный проект разноскоростной, многоуровневой и многопрофильной интеграции стран АТР вполне осуществим, причем в довольно сжатые сроки. Всего тридцать лет творцы Богорской декларации отводили на то, чтобы, не заключая никаких соглашений и опираясь лишь на добрую волю государств АТР, регион превратился в гигантский общий рынок без таможенных границ и барьеров. Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг., обнажив серьезные противоречия в подходах участников АТЭС, остудил первоначальную эйфорию сторонников новой “тихоокеанской архитектуры” и заставил элиту восточноазиатских стран искать собственные пути объединения. В результате АТЭС входит в свое третье десятилетие с серьезными неразрешенными противоречиями между его первоначальной целью — “избегать проведения черты посреди Тихого океана” — и азиатскими приоритетами сотрудничества большинства его ключевых членов. Согласование этих двух подходов может стать предпосылкой возобновления институционального развития группировки.

Причины, не позволившие АТЭС стать действительно интеграционной структурой, сложны и многообразны. Его деятельность как экономического форума концентрировалась в основном на либерализации и упрощении условий торговли и

инвестиций, экономическом и техническом сотрудничестве, а также на поиске ответов на вызовы глобализации. “Географический” критерий подбора членов по принадлежности к АТР, без учета уровня их экономического развития и национально-культурных особенностей, привел к тому, что между ними по-прежнему сохраняются существенные различия в концептуальном видении целей, функций и приоритетов форума, а также перспектив его превращения в полноценное интеграционное объединение. При обилии ежегодных деклараций, “планов действий”, “дорожных карт” и даже при наличии постоянных органов общерегионального масштаба АТЭС, по сути, остается преимущественно дискуссионным клубом, который его участники рассматривают как удобную и регулярно предоставляемую площадку для двусторонних контактов.

Главная проблема АТЭС состоит в том, что он изначально связал себя с поддержкой многосторонней торговой системы на глобальном, а не на региональном уровне. Иными словами, противоречия в АТЭС — это противоречия между глобализацией и региональной интеграцией. Отсюда вытекают все сложности его реформирования или формирования на его основе действительно интеграционной структуры, связывающей страны “тихоокеанского кольца”. То, что такая реформа назрела, не отрицают и сами участники АТЭС. Создание Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли прежде всего потребует внедрения принципов обязательного выполнения принятых решений, что неизбежно приведет к изменению организационной структуры и характера деятельности форума, а к такому повороту большинство его членов, по-видимому, пока не готовы. Поэтому большое значение для дальнейшего развития АТЭС будут иметь ближайшие 2–3 года, когда председательское кресло в нем последовательно будут занимать Япония, США и Россия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Абалкина А.А.* Финансовая интеграция как средство защиты внутренних рынков: опыт Восточной Азии // *Финансы и кредит.* 2007. № 42. С. 68–74.
2. *Бергстен Ф.* Партнерство равных // *Россия в глобальной политике.* 2008. № 5. С. 204–218.
3. *Суян В.Б.* Мировой кризис и перспективы американской экономики // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2009. № 8. С. 3–16.
4. *Тихоокеанское сообщество: планы и перспективы.* М., 1987.
5. 14th APEC Economic Leaders' Meeting Ha Noi Declaration. Ha Noi, Viet Nam, 18–19 November 2006 // *Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site].* URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/2006.html (дата обращения: 20.09.2009).

6. 17th APEC Economic Leaders' Meeting. 2009 Leaders' Declaration. "Sustaining Growth, Connecting the Region". Singapore, 14–15 November 2009 // Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site]. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/2009.html (дата обращения: 21.11.2009).

7. APEC Economic Leaders' Declaration: Meeting New Challenges in the New Century. Shanghai, China, 21 October 2001 // Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site]. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/2001.html (дата обращения: 20.09.2009).

8. Asia-Pacific Economic Cooperation. 2009 Leaders' Declaration. A New Growth Paradigm For a Connected Asia-Pacific in the 21st Century. Statement by APEC Leaders. Singapore, 14–15 November 2009 // Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site]. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/2009/aelm_growthparadigm.html (дата обращения: 20.09.2009).

9. Asia-Pacific Economic Cooperation. About APEC // Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site]. URL: http://www.apec.org/apec/about_apec.html (дата обращения: 23.11.2009).

10. *Bergsten C.F.* Pacific Asia and the Asia Pacific: The Choices for APEC. Peter G. Peterson Institute for International Economics. N Pb09–16. July 2009 // Peter G. Peterson Institute for International Economics. [Official site]. URL: <http://www.iie.com/publications/interstitial.cfm?ResearchID=1263> (дата обращения: 10.09.2009).

11. *Funabashi Y.* Asia Pacific Fusion: Japan's Role in APEC. Washington, D.C.: Institute for International Economics, 1995.

12. G-20 Statement Following Crisis Talks // Wall Street Journal. 16 November 2008 // Wall Street Journal [Official site]. URL: <http://online.wsj.com/article/SB122677642316131071.html> (дата обращения: 20.11.2009).

13. Lima APEC Leaders' Statement on the Global Economy. 22 November 2008 // Asian-Pacific Economic Cooperation [Official site]. URL: http://www.apec.org/apec/leaders_declarations/2008/aelm_globaleconomy.html (дата обращения: 25.11.2008).

14. *Park I.* Regional Trade Agreements in East Asia. Munich Personal RePEc Archive Paper N 5068. February 2008. P. 4 // Munich Personal RePEc Archive [Web-portal]. URL: <http://mp.raub.uni-muenchen.de/5068> (дата обращения: 02.11.2008).

15. Selected APEC Documents 1995. Singapore: APEC Secretariat, 1995.

16. *Soesastro H.* Open Regionalism // Europe and the Asia Pacific / Ed. by H. Maull, G. Segal, J. Wanandi. L.: Routledge, 1998.

17. *Sung-Hoon Park, Jeong Yeon Lee.* APEC at a Crossroads: Challenges and Opportunities // Asian Perspective. 2009. Vol. 33. N 2. P. 97–124.

18. The Osaka Action Agenda. Implementation of Bogor Declaration. Japan, 1995.